

Голоса времени

Вступая во второй год своего существования, «Новый Град» дѣлает еще один шаг к конкретности: от установления основ христіанскаго общаго дѣла — к проекціи их на современность. Большинство статей настоящаго номера посвящены Россіи. Въмѣстѣ с тѣм мы дѣлаем опыт обзора главнѣйшихъ событій политической и соціальной жизни міра. Мы не преслѣдуем цѣлей информаций. Мы хотим лишь давать оцѣнку, вести баланс творческих и разрушительных сил, в бореніи которых рѣшается судьба нашей культуры.

**
*

Настоящее состояніе міра может быть охарактеризовано, как передышка: как затишье между грозами, как отсрочка, подаренная «исторіей» тѣм, в чьих руках, если не управленіе, то направленіе событій. Быть может, послѣдній шанс. И вот прежде всего мы должны подчеркнуть, что этот шанс для нас вполне реальная величина. Мы не вороны, каркающіе о гибели. Нам как нельзя болѣе чуждо злорадство пессимизма, хотя бы оно питалось славянофильски-евразійскимъ противоположеніем Россіи Европѣ или христіанско-апокалиптическимъ чаяніемъ послѣдняго Суда. Мы хотим честно отнестись к данному «шансу», не преувеличивая его значенія. Выкинутые жизнью из родины и міра, мы добиваемся такой установки сознанія, при которой могли бы ощущать себя соучастниками и сорботниками общаго дѣла. В час грозной опасности одинаково являются врагами и дезертирами общаго дѣла, как тѣ, кто этой опасности не хочет видѣть, так и тѣ, кто заранѣе объявляютъ борьбу безнадѣжной.

Эта осень принесла нѣкоторое смягченіе экономическаго кризиса. Первые благопріятные показатели отмѣтила нью-іоркская биржа, которая два года тому назад дала сигнал к катастрофѣ. Уже в Германіи, гдѣ безработица всего болѣе свирѣпствовала, промышленность переживает нѣкоторое оживленіе. То же говорят о Франціи. Правда, эти симптомы еще весьма слабы. Во Франціи многіе их не замѣчают. В Англійи как раз за послѣдніе дни движеніе безработных приняло бурныя формы массовых демонстрацій и уличных побоищ. Тѣм не менѣе эти симптомы реальны. Мы хотим надѣяться, что близкое будущее их оправдает, и кризис постепенно смягчится. Ужасная судьба десятков милліонов безработных, среди них прежде всего наших соотечественников, всего тяжелѣе страдающих в больных ксенофобіей странах-мачехах Европы, заставляет хвататься и за соломинку надежды. В смягченіи кризиса нѣтъ ничего невозможнаго и для того, раздѣляемаго нами, воззрѣнія, по которому мы переживаем не просто конъюнктурный кризис, не кризис роста, но кризис конца капитализма. Мы только не обольщаемся надеждой на длительность и силу этого подъема. Мы убѣждены, что, с закрытіем или ограниченіем внѣ-европейских рынков, старый капитализм не может справиться с проблемой сбыта. Переход его в новыя формы требует энергичной организациі хозяйства. Ни коммунизм, который живет мечтой о «штурмѣ» капитализма, ни социализм Второго Интернаціонала, который ведет классовую борьбу в рамках капиталистическаго строя, не приносят творческаго, «конструктивнаго» рѣшенія проблемы. Государство и хозяйственные организаторы, наиболѣе проникательные, наиболѣе отвѣтственные из людей «стараго міра», продолжают держать в своих руках средства реконструкціи. Это они ставят в современной Германіи интересный опыт «связаннаго капитализма». Реформы нерѣдко производятся людьми старых классов, консервативных традицій (англійская аристократія, Бисмарк, Александр II). Но почти всегда необходимое для них условіе — давленіе снизу, угроза революціи. Без этого давленія классовый интерес господствующ-

щих слоев не имѣет стимула к самопреодоленію. Одним из величайших несчастій послѣвоенной Европы является политическая слабость пролетаріата. Несмотря на всю свою численность и возросшую обеспеченность, он отходит на задній план, уступая партіям мелкой буржуазіи и интеллигенціи, вчера совершенно ничтожным. В этом сила фашизма. Кто теперь не грозит государству революціей? Чиновники, крестьяне, студенты, національные меньшинства и націоналисты господствующих націй. Только рабочий пассивен в своем лояльном большинствѣ, — судорога коммунистической горсти не в счет. Вѣроятно, причиной этого является слабость водительства, отсутствіе настоящей соціальной программы мирнаго социализма. А за этим стоит: ложная, спекулирующая на разрушеніи, не вдохновляющая к творчеству марксистская доктрина и парламентское безволие вождей.

Пролетаріат должен имѣть знамя, под которым он мог бы бороться не за кусок хлѣба, а за переустройство общества. Тогда лишь, под давленіем твердой соціальной воли народных масс, искуснѣйшіе и дальновиднѣйшіе организаторы могли бы относительно безболѣзненно спланировать спуск с опасных высот классическаго капитализма.

Все лѣто, послѣ безрезультатных конференцій в Лозаннѣ и Женевѣ, мір лихорадил войной. Никогда еще, со времен перемирія 1918 г., человѣчество не е подходило так близко к краю пропасти. Государственные дѣятели всѣх стран, носители официального оптимизма, не скрывают опасности войны, в случаѣ срыва разоруженія. В самом дѣлѣ, мы слишком хорошо знаем современную механику войны, когда, в силу технической диалектики вооруженій, пушки начинают стрѣлять сами собой.

За эти мѣсяцы наш баланс может зарегистрировать слѣдующіе минусы и плюсы. Влѣво от черты — видимая неудача весенней Лозанны, переход власти в Германіи к націоналистам и требованіе Германіей равноправія в вооруженіях. Направо — отмѣна репараций, замѣна кабинета Тардье кабинетом Эррио во

Франції, продолжающіеся переговоры, признаки смягченія французской программы. Огромныя трудности заключаются в примиреніи національных точек зрѣнія: равенство в разоруженіи (требованіе европейской оппозиціи), безопасность сначала или организациа международной вооруженной силы (Франція и ея союзники), разоруженіе при невмѣшательствѣ в дѣла Европы (Америка, отчасти Англія). За этими расхожденіями в средствах стоят противорѣчія политических цѣлей. Для одних — сохраненіе status quo, для других передѣлка мировой карты и мирных договоров. Есть четыре страны в мірѣ, бряцающих оружіем, воспитывающих свою молодежь для войны: Германія во имя національнаго равноправія (пока) и отмѣны Версальскаго мира побѣдителей, Италія и Японія во имя религіи государственнаго эгоизма, СССР во имя борьбы с буржуазным міром. Трудно сомнѣваться в миролюбіи Франціи, Англіи и Америки. Их пацифизм однако скомпрометирован тѣм, что онѣ защищают плоды побѣды, т.-е. увѣковѣчивают несправедливость. По-прежнему узел войны и мира лежит во франко-германских отношеніях. Примиреніе Германіи и Франціи обезвредило бы имперіализм итальянскій и, до поры до времени, совѣтскій: СССР нуждается в мирѣ в період его индустріальной реконструкціи. Ясно, что без пересмотра Версальскаго мира франко-германское сближеніе невозможно. Но и одні уступки Германіи, как бы ни были онѣ широки, не обезпечивают мира. Время для них в значительной степени упущено. Націоналистическое безуміе, которым охвачены широкія массы нѣмецкаго народа, оправдывает потребность Франціи в безопасности. Лишь нѣкоторыя обязательства со стороны Англіи и Америки, одновременно с ревизіей Версаля, дают ключ к рѣшенію проблемы мира.

Разумѣется, этот политическій ключ предполагает иной, моральный. При настоящем состояніи умов обѣ политических предпосылки мира кажутся почти утопіей. Сейчас министры всѣх стран, ведущих переговоры, чувствуют за спиной огромное давленіе народов, отстаивающих свои національные интересы, и почти не испытывают воздѣйствія партіи мира. Но интересы непримиримы, и согласованіе их невозможно. Необходима жерт-

ва національними інтересами — то, що націоналісти всіх стран вважають національною зміною. Моральне роззброєння народів повинно передувати політичному. Але воно можливо лише на ґрунті відмови від визнання національних інтересів, як вищого критерію в політиці. Єсть наївні люди, які радіють єдиномудрістю французького суспільного міння, підтримуючого Ерріо. Само єдиномудріє Франції (Германії, Америки) говорить про безнадійність світового договору. Лише внутринаціональні конфлікти (наприклад, проскользнувши слух про розголоси Ерріо і ген. Вейгана) дають якусь надію. Меншинства всіх націй повинні протягнути одне одному руки, перш ніж вони стануть більшістю у своїх дімках. Це неможливо без тимчасового розколу національних сил. Без розколу, без боротьби неможливий той великий перелом в свідомості, який вимагається ділом морального роззброєння. Повинно бути створено масове рухання народів проти війни, і в цьому русленні християнські церкви повинні зайняти перше місце. В середні віки Церква не підтримувала тільки, але створювала рухання «Божього світа». Пора на Заході витягнути з ризниць давні хоругви і створювати армію «Божього світа».

Руска еміграція, по зрозумілим причинам, в масі своїй велика гіпертрофією націоналістических настроєнь. Але наша печать грішить і другим: поразительною легкістю рецепції — не руских, а чужих — національних точок зріння тих стран, в яких ми живемо. Рускіє во Франції і в Германії говорять на різних мовах. Було час, коли ми, рускіє, гордились тим, що являємося єдиними європейцями в Європі. Як далеко воно пішло! А казалося б, наansenовський паспорт обявляє до сверхнаціональному громадянству. І не до європейському тільки, але до всесвітньому, бо Європа вже не обнімає ні Ліги Націй ні реального політичного людства.

**

В центр політичного клубка подій, безсумнісно, стоїть Германія. Її внутрішня політика виявляється зовнішньою,

т.-е. в настоящее время самой ответственной и острой, для Европы. Судьбы войны и мира рѣшаются в борьбѣ германских партій за власть. Нѣсколько мѣсяцев тому назад націонал-соціалистическая революція казалась неизбежной. В накаленной атмосферѣ всенароднаго безумія Гитлер шел к власти, сметая слабыя защитныя сооруженія демократіи. Демократія пала, но вмѣстѣ с нею, повидимому, начался закат и Гитлера.

Вождь потерял темп революціи и выпустил власть, которая сама давалась ему в руки. Он оказался далеко позади своих учителей в революціи: Ленина и Муссолини. Но, конечно, спайка национализма и социализма в одном движеніи — явленіе слишком серьезное и характерное для нашего времени, чтобы распасться от гитлеровскаго провала.

Паденіе демократіи, защищавшей в Германіи дѣло мира, принадлежит к самому крупному пассиву в нашем балансѣ. Хуже всего то, что демократія не была уничтожена насиліем, а сама себя упразднила. Не сумѣв составить парламентскаго большинства, она сдѣлала объективно невозможным парламентское управленіе Германіей. С другой стороны, располагая вооруженными силами, она позволила на своих глазах вырасти огромной революціонной арміи (с воздушным флотом!), которая не уничтожила ея только потому, что она сама себя раньше упразднила, передав власть Гинденбургу. Здѣсь обнаружилась не германская только, но общеевропейская слабость демократіи, всегда выступающая в эпохи кризисов. 1) Парламентаризм не создал формы легальной диктатуры, совершенно необходимой при отсутствіи парламентскаго большинства. 2) Демократія, как политическая психологія, слишком отяжелѣла и разоружилась — до неспособности защищать себя.

В итогѣ у власти правительство юнкеров — класса уничтоженнаго революціей, не имѣющаго никакой опоры в странѣ, т.-е. в политических организаціях. Папен держится на том, что не раз в исторіи революцій обезпечивало торжество монархіи: на расколѣ народных стій, при котором и красные и коричневые смотрят на монархистов у власти, как на меньшее зло. Но задачи, стоящія перед Германіей так огромны, а юнкерская программа так мизерна, и по существу реакціонна, что едва ли

реставрація Гогенцоллернов на очереди дня. Крушение демократии вызывает усиление революционного крыла рабочего движения и одновременно революционного крыла фашизма. Союз коммунистов и национал-социалистов в берлинской транспортной стачке — очень серьезное предупреждение.

**
*

Россия снова на повороты своего колеса — колеса пыток, к которому она прикована 15 лет. Пятнадцатый юбилей революции совпадает с кризисом пятилетки. Она еще живет, еще продолжается в безумных темпах строительство на костях, но темпы явно падают, движение выдыхается, кривая индустриального роста уже приближается к прямой. Никто не сопротивляется, никто не борется даже за свою жизнь... Но рабочие силы падают от недождания и истощения. Дезорганизация транспорта, разстройство плана давно уже наступили. Голод свирепствует и в городе и в деревне, разоренной экспериментами раскулачивания и коллективизации. Пятилетка требовала ежегодного огромного вложения капиталов в промышленность — в промышленность нерентабельную, — и эти капиталы (в виде сырья и продовольствия) могла дать только деревня. И здесь Сталин, несомненно, просчитался. До сих пор российской «социализм» питался эксплуатацией частного-хозяйственного сектора, т.-е. главным образом единоличного крестьянского хозяйства. Уничтожая мужика и превращая его в государственно-крепостного рабочего, в угоду марксистской схеме, Сталин подрывал весь фундамент пятилетки. Сталин последний из марксистов среди учеников Ленина. Но и он марксист, т.-е. полуслѣпой. Расплатится ли кривой вожь слѣпых за свое роковое водительство? Народ умирает молча, но партия уже ропщет. Против Сталина зрѣют заговоры. Какіе пути открываются перед Россией? Сумѣет ли диктатор еще раз отыгратъся малым или большим изломом или поворот руля направо выметет его из Кремля? Вопрос о его преемниках волнует сейчас всѣх. За личным вопросом о диктаторѣ встает вопрос о формах ликвидации коммунистического этапа русской революціи.